

Андрей Левицкий

**НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХИМИКА И
ПРИГОРШНИ-1:
ТРОПАМИ МУТАНТОВ**

---

ebooks@prospekt.org

*Из аналитической записки главы
Министерства*

*Аномальных Ситуаций (МАС)
Президенту РФ*

Особо важно.

Только лично.

1 (один) экземпляр.

...на данный момент известны минимум 4 так называемых «Зоны», которые называют: Тунгуска, Новая земля, Везувий, Московская Зона. Однако невозможно говорить со стопроцентной вероятностью про отсутствие других «Зон» на планете (некоторые, имея относительно небольшую площадь, могут быть скрыты в джунглях, в районах вечных льдов, других ненаселенных и труднопроходимых областях). Интерес представляют сходность аномальной фауны и флоры на различных и, казалось бы,

не связанных между собой локациях. Но особое внимание приковывает к себе так называемая «Зона Мохова» (по имени впервые наткнувшегося на нее егеря Ивана Мохова) – накрытая колпаком неизвестного науке искажения, полностью отрезанная от нас область.

Часть первая

Глава 1

Когда вертолет заложил крутой вираж, Зона открылась взгляду во всей своей мрачной и величественной красе.

Я сидел посередине, и видно мне было не очень. Нашли куда посадить крутого знаменитого репортера, умники. Слева от меня находился десантник по имени Костя, а справа белобрысый здоровяк, которого почему-то называли Пригоршней. Он был в ковбойской шляпе, перехваченной ремешком у подбородка, сделанной не из кожи, а из темного брезента. Головной убор явно не по уставу. На обоих камуфляжные комбезы и разгрузки. А на мне джинсы, рубашка да кожаная куртка...

Пилот заметно нервничал, хотя мне говорили,

что он спец и летал над Зоной много раз. Впрочем, тут летай – не летай, но если попадем под Всплеск, один из тех, что начали происходить в последнее время, то кранты нам вместе с машиной.

Рокоча винтами, вертушка двигалась невысоко над кронами деревьев. Когда она снова круто накренилась, я плечом навалился на Костю, и он пихнул меня локтем в бок:

– Отвали!

Пригоршня покосился на нас. Этих двоих мне выделило для охраны армейское командование Периметра, окружающего эту Зону длинной глухой стеной. Вояки на ножах с Министерством Аномальных Ситуаций, которое заправляет в Зоне всем. МАС их сильно подвинуло, почти полностью отстранив от трафика артефактов, которые добывают в Зоне. А кому понравится, когда посторонняя рука залезла в твой карман, хорошенько пошарила там и вытащила все деньги? Теперь у военных и МАС чуть ли не война – но скрытая, незаметная.

– Поменяемся местами? – предложил я Косте, вспомнив, что надо изображать репортерское рвение. Все-таки я и правда известный «экстремальный репортер», а что в Зону прибыл совсем за другим, так про это никто не знает,

кроме меня, конечно. – Хочу снять панораму.

– Девоч на шоссе Энтузиастов будешь снимать, – отрезал он. – Сиди и не отвсечивай.

– Я тоже испытываю к вам чувство глубокого уважения, Константин, – хмыкнул я.

– Да ладно, Костян, – добродушно пробасил Пригоршня, – пусть поглядит мужик, хуже тебе от этого будет, что ли?

Он пересел на мое место, я – на его и сразу приник к иллюминатору. Вертушка летела над редколесьем вдоль насыпи с асфальтовой дорогой. За нею виднелись развалины, а впереди между холмами было обширное поле. Москва осталась за спиной, ее не видно, и это радует: надоела мне бывшая столица по самое не могу. И теперешняя ситуация, когда власти переехали в Питер, а вся северная Москва превратилась в предбанник Зоны, город не улучшила – стал он от этого только опаснее. Вообще, Зон на планете теперь множество.

– К Химкам приближаемся. Эй, репортер! – голос Пригоршни в наушниках звучал добродушно. – Так ты, стало быть, телевизионщик?

Я ответил, не оборачиваясь, направив

объектив камеры в иллюминатор:

– Нет, журналист я.

– Журналист он... И что пишешь, журналист?

– Статьи про экзотичные страны, про экстремальные виды спорта и аномальные места. Но сейчас решил сделать еще и видеорепортаж.

– Про Бермудские треугольники сказочки сочиняешь? – презрительно бросил Костя.

– Нет, про него не писал.

Он не слушал:

– А теперь, значит, решил про Зону этот... пасквиль накатать? Прилетел, как в зоопарк, и фоткаешь, вроде мы звери в клетках?

– Типа того, – согласился я. – А-ну, изобрази обезьяну, Костя... Хотя нет, не надо, и так для репортажа годишься.

– Что-о?! – взъярился он, и тут широченная, как совковая лопата, рука Пригоршни опустилась на его плечо и припечатала зад приподнявшегося десантника обратно к сиденью.

– Ты задобал, Костян, – признался Пригоршня, вроде и по-прежнему добродушно,

но уже и грозно. – Че ты его достаешь всю дорогу? Сиди и не отсвечивай!

Я незаметно ухмыльнулся, искоса наблюдая за ними. Мечь сладка, даже если она чужими руками сделана! Костя заметно стух и, спихнув руку Пригоршни, отвернулся. Вообще, он прицепился ко мне с того самого момента, когда в военном лагере на Периметре этим двоим приказали охранять меня, и донимал подколками. Мне, впрочем, на язвительного десантника с его изящным чувством юмора было глубоко наплевать – у меня в Зоне свой интерес, свое дело, я не отвлекался на ерунду.

Разобравшись с Костей, Пригоршня снова развернулся ко мне и показал на шрам, украшающий мой лоб справа и рассекающий напололам бровь:

– А это у тебя откуда, журналюга?

– В Афганистане получил.

– В Афгане был? – снова влез в диалог Костя, и по тону его было понятно, что он мне верит примерно как хасид шахиду.

– Делал репортаж про наркомафию. В горах их люди выследили меня, ну и навалились...

– Врешь, тебя б там замочили на раз, репортерчик!

– Да, почти и замочили, – пожал я плечами. – Но вот отбился как-то... С двумя пулями в боку и ножевым ранением головы.

Они переглянулись, и Костя на очередном вираже покрепче сжал лежащую на коленях «Грозу» с подствольником.

– А в Зоне капец бы тебе пришел, если бы бандюки местные навалились. Не отбился бы. Или в аномалию попал бы – и суши брюки.

Аномалиями здесь называли локальные образования, появившиеся после возникновения первых Зон, – словно мины, аномалии разбросаны по всем этим неласковым землям. Бывают они психические и физические, стабильные и ползучие... Для людей большинство смертельны. Научного объяснения тому, как они появились, до сих пор нет, ученые только руками разводят. А военные, не будь дураками, всюю исследуют их в своих лабораториях.

Ничего не ответив Косте, я снова нацелился камерой в иллюминатор – типа снимал. Под нами было поле, где высились горы мусора и груды ржавого металла. Между ними тянулась

колючка на бетонных столбах, дальше – ржавела толстая труба на сваях. Я подался к иллюминатору, разглядев, что впереди по растрескавшейся асфальтовой дороге идут четверо людей в потрепанной одежде. Один вдруг оглянулся на вертушку, что-то сказал другим – и они бросились в разные стороны.

– Крысы, – скривился Костя, уставившись в иллюминатор. – Сталкерское отродье.

– Сталкеры... Вы так называете людей, которые ходят в глубину Зоны? Я слышал разные слова: бродяги, охотники, даже проводники... А, и ловчие еще.

Костя презрительно молчал, и вместо него ответил Пригоршня:

– Да у них вообще путано. Короче, записывай, журналист, потом от гонорара мне отстегнешь: сталкерами называют больше тех, кто постоянно живет в Зоне. Бывалых, типа, самых крутых. Охотники – это те, кто конкретно промышляют мутантами. Охотник может быть как из-за Периметра, так и постоянно обитать в Зоне, то есть одновременно быть и сталкером. Проводники хорошо знают Зону и нанимаются, чтоб каких-то людей, ну вот типа тебя, или экспедиции через эти места водить. Сталкер может быть профи-проводником, а может и не

быть. Охотник – тот редко проводником бывает, разные эти, как их... ампула. Ну а ловчие... их, считай, в Зоне и нету, потому что ловчие – это парни, которые снаружи, за Периметром, ловят вырвавшихся наружу мутантов. Вот такой у нас тут расклад, журналюга.

– Вы их не любите, судя по твоему ласковому лицу? – я кивнул на Костю.

– Да кто ж их любит! – ощерился он.

– Нормальные пацаны, я к ним с пониманием отношусь, – хмыкнул Пригоршня, поправляя свою неуставную шляпу. – Даже думаю иногда: а вот если бы я сталкером был, а не десантником, добывал бы артефакты за пригоршню долларов....

– Ну, и что б ты делал? – разозлился Костя на Пригоршню. – По лагерям бы жил, по землянкам вонючим спал?!

– А что такого? Зато дисциплины нет, как у нас, не надо всяких козлов слушаться. Эх... Ладно, забудьте. Эй, репортер, что еще ты не знаешь, что тебе рассказать?

– Да что он вообще знает! – Костя снова разбушевался. – Они сидят в своих городах, про наши дела только по телику видят то, что им

хмыри, вроде этого, рассказывают.

Знал бы десантник, какова истинная цель моей поездки сюда, какой информацией я владею, каким страшным путем она мне досталась... Знал бы, что я на самом деле собираюсь сделать, – не разговаривал бы сейчас со мной, а побыстрее сдал бы обратно своему командованию для выяснения всех подробностей.

– Андрей! – окликнул Пригоршня. – Как тебя... Андрей Нечаев, да? Слушай, а ты не родич, часом, Глебу Нечаеву? Служил у нас такой, помнишь, Костян?

Костя, покачав головой, отвернулся, но Пригоршня не отставал:

– Ну, Нечаем его называли, неужто забыл? Громкое ж было дело, пару лет назад пошел Нечай в Зону с бригадой, зачистить от нелегальных охотников окрестности Старбеево, и пропал. А потом, говорили, объявился уже в Питере, да особняк у него свой, да жена-красава, да тачка крутая... Командование хотело его за дезертирство прижать, но не смогло: какая-то «крыша» у Нечая хорошая появилась, отмазали его. Так ты, журналист...

– Не знаю никакого Нечая, – отрезал я, уставившись в иллюминатор. В этот момент я не видел ни его, ни ландшафт снаружи, вместо них перед глазами было...

Тело посреди темной гостиной, еще одно – в ванной, кровь на полу, брызги на стене и мебели, три быстрых силуэта....

Над вершинами двух холмов, к которым мы летели, возникли тусклые вспышки, и молчащий всю дорогу пилот спросил:

– Это что, пальба там? Какого хрена происходит!

– Охотники сцепились, – пояснил Пригоршня.
– У них часто разборки, не обращай внимания.

– Как это – не обращай? А если нас собьют?

– Да никто нас не тронет. Во-первых, откуда у них гранатометы? Во-вторых, знают же: если на армейских напасть, мы такую зачистку в районе устроим... Но вообще, я слышал, сейчас большая склока между военсталами и анархистами. Может, они шалят?

– Короче, холмы облетаем – и назад, – решил пилот. – Тут хоть и Третий пояс, я все равно не хочу рисковать.

Эта Зона была условно разделена на три «пояса», и Третий, со стороны Москвы делящийся от Периметра примерно до Дмитрова, – самый безопасный. Это, конечно, не значит, что здесь можно гулять вприпрыжку и собирать лютики на лужайках, но шанс отдать Зоне душу тут немного меньше. К тому же Всплески, то есть возникшие в последнее время непонятные энергетические возмущения неизвестной природы, в Третьем поясе слабее и могут даже не вырубить электронику – только потому над этими местами и летаем.

Вертушка почти миновала долину, когда из кустов внизу вынырнул мутант, похожий на гигантского одноклазого богомола.

– Верлиока! – удивился Костя. – Как сюда забрел, они ж дальше живут, на болотах...

Я тоже удивился: насколько знал, эти холонокровные мутанты-насекомые размером с теленка предпочитают держаться стаями – так что делает тут одиночка? Или где по кустами прячутся его сородичи?

Нет, они слишком крупные для этого, вон разве что в той роще могут укрыться...

Весить верлиока может до тонны, но сейчас мы видели детеныша – вряд ли он тяжелее пары

сотен кило.

Выскочив из кустов, юный верлиока бросился прочь, то есть прямо вперед по нашему курсу. Решил, наверное, что эта огромная шумная штука в небе преследует именно его.

Костя заерзал, подняв «грозу».

– Завалить бы козла панцирного. Наши ученые или барыги за периметром всегда их лапы покупают, или что там у них... Петр, а ну опустишь ниже!

– Такого приказа не было, – отрезал пилот хмуро.

Верлиока бежал к низине между холмами, вертолет быстро нагонял его.

– Да ладно, опустишь, тебе говорят! – наседал Костя, но пилот не сдавался.

– Приказ был покружить над окраиной. Устраивать для вас охоту я не собираюсь.

Тем временем верлиока нырнул в низину – и после этого впереди будто прорвался огромный нарыв. Столб огня ударил из земли, швырнув мутанта вверх. Он пронзительно завизжал, звук проник даже в кабину.

– Аномалия! – заорал Костя. – Это жарка!

В тот же миг грузное тело, с большой силой подброшенное в воздух, врезалось в нас снизу.

Машина выдержала бы подобный удар, но он пришелся неудачно – в самый край кабины. Туша верлиоки проскользнула вдоль нее, оставив на фонаре красно-черный развод, и врезалась в несущий винт. Даже сквозь наушники донеслись треск и хруст. Вертушка затряслась, нос задрался и сразу резко ушел вниз. Меня едва не выбросило из кресла, закричал пилот, Костя с руганью повалился на пол, и тут же вертолет завалился набок.

Стремительно замелькали холмы, роща, небо, снова холмы... Я увидел дерево – совсем близко, вертушка неслась к нему, а оно тянуло навстречу кривые голые сучья, будто черные щупальца.

Рев Пригоршни в наушниках оглушил. Инстинктивно я сжался, нагнув голову, обхватил ее руками, согнулся в три погибели – а потом возникло ощущение, будто я внутри футбольного мяча. И какой-то великан, у которого ножища размером с подъемный кран, широко размахнувшись, со всей силы засандалил мяч через все поле – прямо в чужие ворота!

Глава 2

Постанывая от боли, я неловко повернулся.

Толстый сук не просто сломал иллюминатор, он пробил бок Кости и вышел с другой стороны. Десантник был мертв, вертолет застыл наискось, пол кабины накренился. Тихо ругаясь, я прижал ладони к вискам, сдавливая гудящую голову, зажмурился. Разбитая камера болталась на ремешке – стащил его с запястья и бросил. Сколько я был без сознания? Кажется, несколько минут. Схватившись за спинку кресла, привстал.

И увидел лежащего впереди пилота с разможенной головой. Тоже мертвец... А Пригоршня? Рукавом стирая кровь со лба, я повернулся в другую сторону. Дверь справа была раскрыта, прямо за ней шелестела листва.

В голове – гулкая пустота, болела грудь, ныли запястье и колено. Подволакивая ногу, я вылез из вертолета.

Машина наполовину висела, нанизанная на толстые сучья. Они бы, конечно, не выдержали ее веса, но хвостовая штанга, треснувшая, со сломанным винтом, уперлась в землю, глубоко продавив ее. Проем был метрах в трех над землей – я сначала повис на руках, потом спрыгнул.

В колене хрустнуло. Зона вас всех побери! – я покатился по земле, хрипло матерясь, наконец замер, сцепив зубы. Когда боль немного отпустила, сел в густой траве, потом медленно встал.

И вдруг отчетливо понял: это происшествие – удача для меня. Нет, я не желал смерти ни Косте, ни безымянному пилоту, но ведь я собирался проникнуть в Зону, этот полет был просто разведкой, прикидкой ситуации... и в результате я уже здесь. Так или иначе, путем длительной подготовки или нелепой случайности, но добился своего.

С другой стороны, я ведь хотел нанять проводника, нормально вооружиться, взять припасы... А теперь что? Я в Зоне, спору нет. Но – один, без проводника, без припасов, без оружия.

Стоп. Оружие-то есть: в кабине, возле двух трупов.

Двух...

Где все-таки Пригоршня?

Я внимательно огляделся. От вертолета к зарослям вела примятая трава. Вечерело, среди деревьев посверкивала какая-то аномалия, а в глубине леса раздавались всякие звуки.

Неуютные такие, внушающие смутную тревогу. Зона, даже в районе Третьего пояса, опасное место, новичку здесь выжить трудно. Надо бы мне залезть обратно в кабину, взять оружие десантников... Хотя вообще-то лучше провести внутри вертолета всю ночь, а утром решить, куда дальше.

Хотя – нет, нельзя здесь ночевать. Упавшую машину скоро найдут военные, и меня эвакуируют, что в мои планы не входит. Но оружие точно необходимо, так? Значит, лезем обратно... И тут рядом зашелестели кусты.

Послышались тяжелые шаги, дыхание. Кто там пожаловал? Я повернулся.

Пожаловал Пригоршня. Он возник между деревьями – камуфляж в грязи, к комбезу прилипли листья, на лбу кровь, ковбойской шляпы нет.

Лицо его, раньше вполне добродушное, теперь, как бы это сказать, чтоб не показаться трусом... пугало. Оно стало серым и мертвенным. Взгляд неподвижный, глаза блестят. И дружелюбия в лице не больше, чем в армейском ноже.

Том самом ноже, который десантник выставил перед собой и медленно покачивал им,

приближаясь ко мне.

– Пригоршня, эй! – начал я. – Ты это, слышь, расслабься, я тебя не съем...

Не договорив, отскочил – подойдя ближе, он сделал выпад. Еще немного, и клинок воткнулся бы мне в грудь, я едва успел избежать удара.

Твою мать!!! Я врезал здоровяку ребром ладони сбоку по шее. Да только она у него оказалась толстая, крепкая, словно резиновая, – с тем же успехом можно колотить автомобильную шину.

Лезвие чиркнуло по моему запястью. Нож был отлично заточен, если бы не рукава кожаной куртки и плотной рубахи под нею, он бы прорубил руку до кости. Но и так кровь потекла из разреза.

– Пригоршня! – заорал я, отпрыгнув и сжав запястье. – Отставить!

Он не слышал, пер на меня танком. Пришлось поворачиваться и бежать – а что еще было делать? Десантник тяжело топал следом. Вертушка осталась позади, я обежал густые заросли, деревья, перемахнул через кусты поменьше. Пригоршня ломился за мной, круша ветки, напролом.

Я еще не отошел после аварии, а тут такое! Зомби, да? Я читал про зомби, в которых людей иногда превращает Зона. Читал... но этот громила совсем не похож на ходячего мертвеца! Ни с какого боку не похож – Пригоршня вполне живой, только ведет себя как бездумная агрессивная машина. Или как человек под гипнозом. Или... или под влиянием какой-то аномалии? Точно! Но какой?

Стало светлее – деревья расступились, открыв несколько ржавых грузовиков и ограду с проломами, сквозь которые виднелись бетонные постройки. Все вместе это напоминало заброшенный машинный двор.

Дальнюю часть его захватило болото: бурозеленая жижа затянула пространство между зданиями, мертвые деревья торчали из нее вместе с ржавыми цистернами и другой рухлядью. Отсюда жижа казалась очень густой, чуть ли не твердой, словно ее покрывала застывшая корка.

Хорошо, что до ближней ко мне половины машинного двора странное болото не добралось. Влетев на территорию сквозь дыру в ограде, я нырнул влево, за длинный гараж... и, взмахнув руками, резко остановился на краю глубокого бетонного бассейна с отвесными стенками. На далеком дне в луже воды лежала шина от

грузовика. На ней матово поблескивал человеческий череп, а в луже виднелись кости.

Тяжелые шаги все громче доносились сзади. Отпрыгнув от ямы, я побежал к проему в стене следующего гаража. Он был без крыши, на полу – гниющее тряпье. Из дырки в стене торчала гнутая арматура. Схватившись за один прут, дернул изо всех сил, и он сломался в самом проржавевшем месте.

Прижавшись к стене с прутом в руках, я выглянул в проем. Тонкая струйка крови стекала с запястья, по ладони и пальцам, капала на пол. Немного кружилась голова, сердце тяжело стучало в ушах, почти заглушая сиплое дыхание Пригоршни.

Он шагал вдоль бассейна, выставив нож перед собой. Я крепче сжал прут, поднял выше... А когда десантник повернул, оказавшись спиной ко мне, выскочил из проема и обрушил прут ему на затылок.

Нормального человека такой удар оглушил бы и отправил прямым на дно бетонной ямы, в гости к тому мужику, который оставил в ней свой череп с костями, а сам ушел куда-то по делам. Но этот Пригоршня... Башка у него, как у слона, – он едва пошатнулся!

Прут завибрировал, пронзив болью раненую руку.

Десантник, развернувшись, широким взмахом кулака сбил меня с ног и отбросил далеко назад. Я упал на спину, удар вышиб воздух из груди и искры из глаз. Кое-как встал, скрипя зубами от боли в запястье.

Прут улетел далеко, другого оружия у меня не было. Пригоршня уже шагала ко мне, заноса нож. Все, конец тебе, Андрюха Нечаев, не успел ты сделать то, что так хотел...

За широкой спиной Пригоршни появился человек.

Молодой, в походной одежде и с рюкзаком за спиной.

И с обрезом в руках, который он держал за ствол.

Укороченный приклад врезался в затылок Пригоршни – туда же, куда я до того приложился прутом. Десантник снова начал поворачиваться, но уже медленнее, надо полагать, второй удар достучался таки до его мозгов. Сталкер (ну а как еще его назвать?) крикнул: «Толкай его!», присел, упершись в землю коленями и локтями, и тогда я с громким выдохом бросился на Пригоршню.

Расстояние было небольшим. Я врезался ему в бок, он повалился через сталкера, упал на самом краю ямы... Нож его отлетел в сторону, а Пригоршня свалился вниз.

Падал он молча, без вскрика. Снизу донеслись стук и хруст: Пригоршня рухнул на шину, раздавив череп. Я помассировал плечо и присел на корточки, тяжело дыша. Сталкер распрямил спину – теперь мы сидели в одинаковых позах на краю ямы. Только у него в руках был нехилый такой обрез, а у меня – шиш с маслом. То есть с кровью, которая текла по руке...

– Ты кто? – спросил он.

– А ты кто?

– Где я? – в унисон спросил снизу голос, полный обиды и недоумения. – Что это... Да что, блин, происходит?!

Стоящий на четвереньках посреди лужи Пригоршня задрал голову и увидел нас.

– Вы... Ты... Репортер, это ты меня толкнул? Ты что творишь, паскудник?!

Покосившись на сталкера, я ответил:

– Ты напал на меня с ножом, Пригоршня. Вон

он рядом с тобой валяется, подними и глянь – на клинке кровь.

Говоря это, я вытянул над бассейном раненую руку. Красные капли закапали вниз с кисти, и Пригоршня тупо уставился на них.

– Я на тебя напал? Ты че мелешь, я не... Да я же не помню вообще ни черта!!! – Он схватился за голову. – Только как вертушка свалилась из-за верлиоки! Репортер, что потом было?! Эй, рядом, а ты кто такой? Репортер, а Костя, с ним что? Петр?!

– Они мертвы. И ты чуть не убил меня.

– Так это я их?.. – его глаза наполнились ужасом.

– Нет, они разбились при аварии. Но ты...

Я замолчал, скосив глаза вправо, – какое-то движение почудилось в дверном проеме. Сталкер, внимательно слушающий наш бессвязный диалог, повернул голову в ту сторону.

– Репортер, ты погоди, я же не убийца, – забормотал Пригоршня. – Ты это, слушай... Да я охранять тебя наоборот обязан. Ты не ври, с чего бы я стал на тебя вдруг...

Я не слушал – пялился на существо, возникшее в проеме гаража.

Это был прямоходящий ящер с широкой плоской башкой. Шея с уродливыми наростами, змеиные глаза... Черт, да что же это такое? В Зоне обитают слизни, бруторы, ведуны, лешие, есть кабаны, медведи и псы-мутанты, еще – неуловимые призраки и опасные крысы, но это...

– Василиск, – тихо произнес сталкер и всадил пулю прямым в бугристый уродливый лоб твари.

Монстр беззвучно упал на спину. Я вскочил. Что еще за василиск? Никогда не слышал!

Мутант, задержав ногами, перевернулся спиной кверху. Сталкер бросился к нему, на ходу перезаряжаясь, а тварь на карачках очень резко поспешила прочь.

– Репортер, эй, не уходи! – позвал снизу Пригоршня. – Вытащи меня! Это все ошибка какая-то, это...

– ...Паранойка, – заключает сталкер, возвращаясь. – Хлопец внизу, я так понимаю, паранойку словил. Ну, аномалия... вступишь в нее – мутит мозги, и тебе кажется, что весь мир против тебя. Кто послабее, стреляются или на

гранате подрываются со страха, посильнее – нападают на все, что движется.

– Сбежал василиск? – спросил я.

– Сбежал, гад. Да я и не надеялся особо, их просто так пулей не свалишь. Хорошо, этот пугливый попался какой-то, обычный-то на нас попер бы, а как его убить... В несколько стволов гасить надо или гранатой. Ну, что у нас здесь?

Мы снова заглянули в яму, где Пригоршня, усевшись на шине, с надеждой смотрел на нас. Окинув его долгим взглядом, сталкер пожал плечами и заключил:

– Кажется, отпустила его паранойка, будем вытаскивать. Кстати, я – Шустрый.

Глава 3

Внутри железной бочки, которую мы поставили в гараже на краю машинного двора, трещал костер. Мы с Пригоршней и спасшим нас сталкером расположились рядом.

– Шустрый, – повторил он, передавая мне флягу с холодным чаем. – Так меня почти сразу назвали, как только в Зону попал. Привык, на свое настоящее имя уже почти и не реагирую, когда рядом звучит.

Я искоса разглядывал его. Шустрый был молодым и подвижным, даже вертким. Курносый, серые всклокоченные волосы, хохолком торчащие над лбом, острый подбородок... немного похож на воробья. И движения – быстрые, суетливые, немного нервные.

Он не вызывал недоверия и не казался неприятным, хотя было в нем что-то такое...стораживающее. Про себя я решил, что со сталкером надо держать ухо востро и ни в коем случае не доверять ему сверх необходимого уровня, но с Пригоршней пока своими соображениями делиться не стал. По той простой причине, что и ему я не очень-то доверял. Черт возьми, в таком месте, как Зона, нельзя до конца доверять даже самому себе! – со всеми этими

пси-аномалиями и пси-мутантами, способными влиять на твой рассудок...

В рюкзаке Шустрого, кроме фляжки, нашлась еда – консервированная гречка с мясом и хлеб. Мы перекусили, что несколько примирило нас с жизнью и настроило на более доброжелательный лад по отношению друг к другу. Стемнело, за окном стало черным-черно. Шустрый извлек из рюкзака еще одну фляжку – с коньяком. Пригоршня от нее отказался, объявив, что коньяк воняет насекомыми-мутантами и вообще он его не переносит, ему бы водки... Но ее не было, и десантник остался не у дел, а мы со сталкером накатали, после чего он объявил:

– Ночью по лесу я к вашей вертушке не пойду. Тем более, вы говорите, так бежали, что теперь толком не помните направление. Утром будем разбираться.

Пригоршня поглядывал на сталкера настороженно, ведь эти двое были из разных лагерей. Хотя Шустрый, что ни говори, спас нас – пока что десантник вел себя тихо, вежливо.

– Где мы сейчас? – спросил я. – Что это за территория?

Он пожал плечами:

– Химковский Могильник рядом. Слышали про него? Сразу после появления Зоны там устроили захоронение облученной первым Всплеском техники и материалов, и очень быстро это место стало таким... опасным, короче говоря.

Шустрый смолк, когда сквозь окно в помещение проникли отблески далеких вспышек, а вслед за ними долетели приглушенные раскаты.

– Снова военстала с анархистами сцепились, – пояснил сталкер в ответ на наши вопросительные взгляды.

– А чего они? – спросил Пригоршня. – Нам сообщали, что у кланов конфронтация, но причину не говорили.

Шустрый помолчал, обдумывая ответ, и принялся неторопливо рассказывать:

– У анархистов власть взял человек, которого называют Мародер. Откуда он появился, никто не знает, говорят – пришел со стороны Икши. Так вот, он утверждает, что в Котле... Да вы про Котел-то хоть знаете?

– Так западную часть Клязьминского водохранилища называют, – припомнил я.

– Ну, правильно. После того как эта Зона возникла, там большой участок земли круто просел. Причину никто не знает до сих пор. И по всем законам физики его должно было затопить, но вода, наоборот, оттуда ушла. Так вот, Мародер утверждает, что в Котле, который уже давно отсеки от других территорий поля аномалий, полно цацек. Ну, артефактов, как их называют, или «объектов неизученных свойств». Через аномалии туда точно не пробиться, но по Могильнику дойти можно. Кто доберется до Котла – разбогатеет. Теперь анархисты и сталкеры-одиночки стремятся к Котлу. Они медленно продвигаются через Химкинский Могильник, оставляя на пути трупы. – Шустрый отпил еще коньяка, вытер губы и протянул фляжку мне, но я отказался. – Ну, а военсталы решили, что экспансия в Могильник нарушает шаткое равновесие Зоны и что ее надо прекратить. Сейчас отряды военсталов преследуют анархистов, пытаюсь остановить их. Между кланами постоянные стычки, вот-вот начнется настоящая война.

– Много ты знаешь, однако, и про клановые разборки, и про котлы эти с могильниками, – заметил Пригоршня.

Сталкер пожал плечами:

– Я, как бы сказать... Люблю Зону. Именно эту,

подмосковную, – в других и не бывал ни разу. Интересуюсь здесь всем, запоминаю всякие местные истории, слухи, легенды. Наблюдаю, что происходит.

Я внимательно слушал его, пытаюсь уяснить положение дел. В Зоне есть несколько кланов сталкеров, и самые крупные среди них – военсталы и анархисты, у которых прямо противоположная идеология. Военсталы, сильно военизированный клан, отличаются строгой дисциплиной, его члены живут фактически по уставу.

Многие военсталы – бывшие военные из спецназа или других армейских частей. Военсталы считают своей главной целью защиту мира от мутантов, расползающихся во все стороны из Зоны. Этот клан давно враждует с Анархией, сборищем сталкеров-анархистов. Они не хотят исчезновения Зоны, наоборот, желают сохранить ее и использовать как двигатель прогресса для всего человечества – мол, Зона может дать нам всевозможные технологии. В Анархии отсутствует строгая дисциплина, обязательные приказы, воинские звания.

– А почему продвижение в Могильник нарушает равновесие Зоны? – спросил Пригоршня.

Шустрый ответил:

– После того как анархисты углубились на эту территорию, начались необычные миграции мутантов, к тому же участились Всплески. Ну, военсталаы и решили, что анархисты в этом виноваты.

Я слышал про Всплески, но решил уточнить у Шустрого:

– Они ведь недавно начались? Насколько опасны? И как понять, что Всплеск приближается?

Он почесал затылок.

– Ну, как понять... Небо со стороны Москвы иногда багровеет. А иногда – нет. Да никто, в общем, толком не знает, что такое Всплеск. Волна какой-то энергии, которая раскатывается по Зоне. Самое главное – не только по этой, в других тоже возникает! По ощущениям Всплеск – это как если бы тебя в микроволновку засунули, понял? Не в аномалию под названием «микроволновка», а в настоящую, кухонную. Мозги в шашлык! Лучше всего – прятаться куда-то под землю, желательно, в бетонный подвал, хотя можно и просто в землянку. Но Всплески бывают разной силы, от мощного только толстый слой бетона и спасает. Вообще, попав под

Всплеск, можешь потом оклематься без всяких последствий, а можешь и insult схватить либо вообще умереть. Всякое бывает.

Устав говорить, Шустрый откинулся на досках, которые мы положили вокруг бочки с костром, и устроился головой на своем рюкзаке.

– Ну ладно, парни, с василиском я вам помог – и что вы дальше делать собираетесь?

– Как – что? Нам к Периметру надо! – вскинул голову Пригоршня. – Вернуться к своим.

Шустрый поднял бровь.

– И какие, так сказать, шаги вы собираетесь в связи с этим предпринять?

– Какие еще шаги? Сами мы не дойдем, ты нас проведи.

– А мне оно зачем? Я в Могильник иду, чтоб присоединиться к анархистам. Хочу добраться до Котла и пожить артефактами.

– Ну вот ты нас проведи – и вали куда хочешь, – нахмурился Пригоршня. – Хоть в могильник, хоть в могилу!

– Я вас никуда вести не обязан.

– Еще как обязан! – повысил голос десантник.
– Ты кто вообще такой? Охотник, бродяга, блин, сталкер – ты здесь незаконно! А я кадровый военный и...

– Начхать мне на твою кадровость. – Шустрый сел, насупившись. – Тоже мне, военный-охрененный. Как мы тебя из ямы тащили, забыл уже? Надо тебе к Периметру – топай, никто не держит, а здесь территория свободных людей, которые слушать всякое гавканье не любят.

– С тобой, бродяга, не гавкает, а говорит... – угрожающе привстал Пригоршня, но я перебил его:

– Я к Периметру не собираюсь, так что можете оба заткнуться.

Пригоршня ошарашенно смолк, и они с Шустрым уставились на меня, как два барана на новые ворота.

– Как, не собираешься? – спросил наконец десантник. – Ты... журналюга, ты чего?.. А куда ж ты тогда?

Вместо ответа я достал из кармана бумажник, оттуда – потертую полоску бумаги, развернул и показал им:

– Читайте.

«...спрятано у излома Яра, северный берег, 100 метров точно на север. В корнях дерева-молнии».

Верхний край записки был оторван.

– Это досталось мне от брата, – пояснил я. – Помнишь, Пригоршня, в вертушке ты рассказывал про Глеба Нечаева? Так вот – он мой родной брат. Старший. Когда сбежал из Зоны, стал одним из партнеров скупщика артефактов по прозвищу Фишер.

Как всегда при воспоминании о тех событиях, быстрее забилося сердце.

Тело посреди темной гостиной, еще одно – в ванной, кровь на полу, брызги на стене и мебели, три быстрых силуэта....

Я потряс головой. Шустрый, растерянно морща лоб, перечитывал записку.

– Твой брат – партнер Фишера? С Фишером я был знаком, тот давно исчез. Он сотрудничал с Мародером, ну, с тем мужиком, что сейчас в Анархии управляет. Говорят, что-то не поделили, и Мародер его убил, пару месяцев назад это произошло. Хотя, может, и врут.

Я перебил:

– Брат умер, и в наследство мне оставил эту записку. На ней указано место, где зарыт ящик с накопленными Фишером деньгами и артефактами. Там целое состояние. Шустрый, если проведешь меня туда, поделюсь добычей.

– Ах ты хитрюга, репортер! – удивился Пригоршня. – Химичишь там что-то свое... Так вот для чего ты на самом деле в Зону пришел! Блин, я только сейчас понял: репортаж твой, значит, прикрытие просто, чтоб разведку на местности провести?

– Но к аварии вертолета я отношения не имею, – заметил я, при этом незаметно наблюдая за Шустрым.

Тот пока не ответил на мое предложение, но я видел по глазам: согласен. Почему нет, он же сталкер, смысл его жизни состоит в походах по Зоне, добывании артефактов, продаже их скупщикам вроде того же Фишера, которые затем по своим каналам переправляют добычу за Периметр, где их покупают лаборатории, корпорации, научные институты...

– Согласен, – Шустрый сказал то, что я и ожидал. – Только надо условия обговорить, какая моя доля.

– Обсудим завтра, – кивнул я и, не сдержавшись, широко зевнул. – Слушайте, я устал как собака. День такой был... Долгим очень. И насыщенным. Голова уже совсем не варит.

– Я тоже вымотался, – согласился Пригоршня.

Шустрый, недолго подумав, предложил:

– Тогда завтра с утра идем к вертушке, раз там осталось оружие, надо его взять. И оттуда сразу к Яру, про который сказано в записке. Он, по сути, – южная граница Могильника. До него отсюда не очень далеко.

– Э, стойте! – заговорил Пригоршня. – Вы двое уже все решили, а мне что делать? Сам я до Периметра не дойду, так мне что, подыхать тут?

– Идем с нами, – предложил я. – А от Яра он поможет тебе вернуться к Периметру. Так, Шустрый?

– Ну, если артефактами разживемся да деньгами Фишера... ладно, помогу. Только учтите, это обоих касается: слушаться меня беспрекословно. Вы здесь новички, ничего не знаете, а в Зоне – как на передовой, очень быстро коньки можно отбросить.

Пригоршня нахмурился и явно собрался

возражать, но я перебил:

– Как тебя звать, десантура?

– Никита, – пробормотал он. – Только я к Пригоршне привык уже.

– Да, хотел спросить, а с чего у тебя погнало такое? – влез Шустрый.

– Так это... – тот почесал темя, раньше прикрытое ковбойской шляпой. – Я фильмы старые люблю, вестерны. Ну, Сердже Леоне всякого... «За пригоршню долларов», и еще... Рассказывал про это парням на базе, а Костян покойный и придумал вот. Как-то прицепилось сразу, теперь, прикиньте, даже начальство иногда так зовет.

– Так вот, Никита Пригоршня, – продолжал я, – у тебя все равно нет выбора. Ни я, ни Шустрый сейчас к Периметру идти не собираемся, и заставить нас ты не можешь. А сам, скорее всего, не выживешь, одно дело – на вертушке летать или устраивать зачистки браконьеров у Периметра, другое – по глубокой Зоне идти. Так что давай с нами. Это всего лишь отсрочка, скоро все равно попадешь к своим.

Выхода у него и правда не было – и, осознав это, десантник молча отвернулся от нас. С

хмурым видом улегся на бок и закрыл глаза. И спросил:

– Ночуем здесь?

– Здесь, – подтвердил Шустрый. – Дежури́м по очереди. Спецназ – не засыпай, ты первый будешь. Часы имеются? Через два часа будишь этого, как тебя назвать...

– Химик он, – вставил Пригоршня, приподнимая голову.

– Почему? – удивился я.

– Химик, говорю! Хитрый очень, потому что свои игры ведешь, химичишь. И молчишь больше.

Я пожал плечами:

– Потому что предпочитаю не говорить, а думать.

– Правильно, вот вы, химики, все такие...

– Химик так Химик, – подвел итог Шустрый. – Короче, еще через два часа Химик будит меня. Все, теперь заткнулись оба, день завтра, кажись, предстоит сложный, а я устал.

– Нет, подожди, – сказал я, – последних два

вопроса. В записке сказано про какой-то излом Яра. Что за излом? И что за Яр вообще?

Он махнул рукой:

– Излом – место, где Яр делает крутой поворот. Если рано выйдем – до вечера попадем туда. А сам Яр, это... короче, увидите. Его лучше раз увидеть, чем сто раз про него услышать. И не только увидеть, понюхать еще хорошо. Все, теперь спать.

Глава 4

Утро застало нас лежащими в зарослях возле места, где свалилась вертушка. Вокруг нее топтались какие-то люди, большинство – в темных комбезах и похожих кожаных куртках, с автоматическими винтовками в руках.

– Военсталы это, – прошептал Шустрый, расположившийся между мною и Пригоршней. – Лично я с ними связываться не собираюсь.

Военсталов было с десяток, командовал высокий черноволосый мужик с мохнатыми бровями. Приглядевшись к нему, наш сталкер добавил:

– Э, да это ж Кабмин. Так его называют... Замкомандира всего клана, известная личность.

Тем временем трое военсталов, забравшись в вертолет, вытащили на траву два тела. Кабмин осматривал найденное оружие, остальные контролировали периметр. Их голоса отчетливо доносились до нас. Кабмин, оглядев мертвецов, сказал:

– Интересное дело получается. Двое, а, Малыга?

– Двое, – кивнул его помощник.

– А армейцы сказали: в вертушке было четверо.

– Точно.

– А может, зверье двоих растерзало? – предположил третий военстал. – Внутрь забрались... мутанты какие-то...

– Тогда бы там крови было полно, – возразил Малыга. – А ее мало, только та, что с десантника натекла, которому суком грудину пробило.

Но военстал не сдавался:

– А может, двое наружу выбрались и их тут мутанты пожрали?

– Фигня, – пожал плечами Малыга, в то время как Кабмин внимательно слушал их диалог. – Снаружи бы тогда следы были.

– Так мы уже тут все затаптали!

– Правильно, затаптали, после того как мы с командиром первые сюда подошли и осмотрелись. Забыл, как на точку выходили? Следов драки тут не было, короче.

Бойкий на язык военстал развел руками:

– Ну, значит, двое в лес ушли, нет других

вариантов.

– Это да, – согласился Малыга, – только зачем? Почему здесь не стали дожидаться помощи от своих? Непонятно.

– Их могли взять в плен, – заметил Кабмин. – Ладно, не расслабляться, ждем армейцев.

Пригоршня, поглядев на нас с Шустрым, прошептал:

– Я знал, что военсталы с нашими дела ведут. Но не думал, что так плотно. У них, судя по этому, с командованием даже постоянная связь налажена.

Шустрый немного отполз назад, повернувшись на бок, сказал:

– Это все из-за МАСа. Ну, Министерства по Аномальным Ситуациям. Они же почти весь Периметр себе подчинили, поток артефактов контролируют. Все деньги им идут, хотя военные базы вроде по Периметру и остались, но толку с того... Прикиньте, сколько денег мимо генералов утекает? Поэтому ваше командование с кланами и пытается сблизиться – сталкеры вроде и незаконно за Периметром обитают, но через них тоже можно арты добывать. Если в обход МАСа свой канал сбыта за границу найти и толкать

артефакты... Но сталкеры-анархисты вашего брата не любят, а вот военсталы согласны сотрудничать, у них идеология такая: оградить мир от влияния Зоны. Они надеются свои вопросы с помощью армии решить, а армейские с помощью военсталов – свои. Хотя сейчас, я слышал, военсталы начали и с МАСом переговоры вести...

Он смолк, когда Пригоршня вскинул кверху указательный палец.

– Вертушка! Армейская, точно говорю!

Рокот быстро нарастал, и мы с Шустрым вопросительно глядели на десантника, которому самое время было вернуться к своим. Пригоршня неподвижно смотрел перед собой. Потер щетину, нахмурился. Простецкое лицо его напряглось от непривычных размышлений.

Наконец он тихо хлопнул ладонью по земле и прошептал:

– Я тут все думал ночью, заснуть не мог... Ну, пойду обратно, и что дальше? Так и буду служить, шкуру под пули подставлять. Все ж знают, что происходит: большие шишки на артефактах наживают такие деньжища, что скоро всю планету купят. А мы служим... вроде – государству, а на самом деле – им. Зарплата – это

анекдот, а не зарплата, так за что я стараюсь? Лучше ты мне, Химик, денжат подкинешь, артефактов из запаса Фишера... А потом уж я погляжу, как дальше своей судьбой распорядиться. Подкинешь?

– Ладно, – сказал я.

Военный вертолет завис над поляной, развернувшись кабиной к лесу, начал садиться. Военсталы отошли, отворачивая лица от потока воздуха, взметавшего палую листву. Кабмин, присев у потерпевшей аварию вертушки, молча наблюдал за происходящим.

– Отходим, парни, – велел Шустрый. – Только медленно и печально... То есть тихо и незаметно.

Мы попятились ползком, развернулись и, низко пригибаясь, отбежали в лес под прикрытием кустов.

– Теперь быстро за мной! – Сталкер резво потрусил впереди, часто оглядываясь. – Плохо будет, если военсталы нас...

Он остановился, я едва не налетел на него, отскочил в сторону.

– Что?! – выдохнул подбежавший Пригоршня.

– Гравицапа впереди. Видите, слева от того кедра?

Я пригляделся. Возле старого корявого дерева был виден круг прижатой к земле травы диаметром примерно в метр. По сторонам она торчала к небу, как ей и положено, а в круге травинки будто прибиты сильным ветром, но не колыхались – застыли густым темно-зеленым ковром.

– Молодая аномалия, слабая, – пояснил Шустрый. – Большие гравицапы бывают такого диаметра, что этого ядра и не увидишь. Вступил – и башкой в землю, а может и совсем сплюснуть, кости поломать. Так, за мной давайте, тут обходить немного.

Сзади доносились голоса – кажется, военстала вместе с прибывшими армейцами шли следом, причем быстро.

– Странно, – сказал я. – Засечь нас, когда мы отступали от поляны, они не могли. Мы тихо совсем двигались.

– Ты о чем? – не понял Пригоршня.

– О том, что непонятно: почему почти сразу после приземления армейского вертолета вся эта компания поперлась за нами?

– Да нам быстрее литься надо, а не философию разводить: почему, отчего...

– Думать, Пригоршня, иногда полезнее, чем делать, – возразил я.

По широкой дуге мы обогнули аномалию, и потом Шустрый снова перешел на бег.

– Жалко, не достались нам стволы из вертушки, – на ходу сказал он. – Да и я почти пустой... Плохо это, в Зоне – и без оружия!

По лесу бежали недолго – деревья расступились, открыв большой пустырь. На другой его стороне торчала вышка ЛЭП, которая издали выглядела как-то странновато.

Голоса позади стали не слышны, и сталкер немного сбавил темп, но на шаг не перешел. Пригоршня несся рядом со мной, далеко выбрасывая длинные ноги. На ходу пропыхтел:

– Они ж в курсе, что людей в вертушке было четверо. А нашли только два тела. Пошарили вокруг – следы в кустах, примято... Вот и пошли за нами, чтоб прояснить ситуацию.

Пустырь состоял сплошь из ям, оврагов и земляных горбов. Вышка была уже близко, стало видно, что верхняя ее часть исчезла, там

виднелись оплывшие, почерневшие концы штанг, а больше ничего не было, куда делась верхушка с «рогами» – одна Зона знает.

Шустрый, вконец запыхавшись, перешел на шаг.

– Стволов у нас действительно совсем мало, – сказал я, поравнявшись с ним. – Пригоршня, у тебя вообще ничего?

– Только нож.

– Шустрый, а у тебя...

– Псы! – воскликнул он.

Лай раздался неожиданно. За вышкой был небольшой холм, и оттуда вынырнула стая одичавших собак. Они бросились к нам – мы же, в свою очередь, бросились к вышке, поскольку другого пути для спасения просто не было.

В стае верховодил здоровенный лохматый волкодав с черными пятнами вокруг глаз. Он почти догнал споткнувшегося Пригоршню – когда мы с Шустрым уже полезли вверх, десантник еще только подбегал, и псина, прыгнув, клацнула челюстями в паре сантиметров от его задницы.

С придушенным воплем Пригоршня взлетел на вышку и как чемпион-альпинист – ну или просто как очень испугавшийся за свою задницу мужик – мгновенно опередил нас обоих.

Я уселся верхом на косо торчащей железяке рядом с Шустрым. Он озабоченно крутил в руках обрез.

– Заклинило? – просипел, тяжело дыша, устроившийся ниже Пригоршня. Волкодав под нами сел, задрав огромную лохматую башку, и мрачно уставился на десантника. Остальные псы – от вполне приличных размеров риджбека до совсем мелкой шавки, которую удивительно, что не сожрали собратья, – носились вокруг и заливались злобным лаем.

– Не заклинило, но патронов совсем мало.

– Вали этого верзилу! – мстительно велел Пригоршня.

– Иди на фиг, – любезно ответил Шустрый. Голос его был едва слышен из-за царящей внизу песьей вакханалии. – Толку не будет, а патронов вообще два останется.

– Как это не будет? Если старшего замочить – остальные, может, разбегутся.

– Да хрен там.

– Не, я тебе говорю... Ай!

Пригоршня поджал ноги, когда облезлая дворняга с разбегу подпрыгнула – на удивление высоко. Она упала обратно, когти скрежетнули по железу. Волкодав, отскочив, укусил едва не свалившуюся на него псину за спину. Дворняга завизжала, вывернувшись, отбежала в сторону. Остальные псы немного успокоились, дикий лай сменили рычание, ворчание и стук лап по земле. Твари кружили вокруг основания вышки, некоторые сели, задрав головы, – они всерьез вознамерились сожрать нас и отступить не собирались.

Заметив движение вдаль, я поднял голову. На краю леса в том месте, где на пустырь вышли мы, появились люди.

– Смотрите. Одни в черном, на других камуфляж...

– Это военсталы и военные – спецназ вроде нашего красавца. – Шустрый кивнул на Пригоршню, все внимание которого было сосредоточено на псах, снова начавших бесноваться. К стае присоединились еще несколько выскочивших из-за холма зверюг, и теперь их внизу стало по-настоящему много.

– Входит, они объединились и пошли за нами,
– продолжал сталкер. – Плохо дело.

Вызвав приступ сумасшедшего лая, я встал во весь рост на железяке, схватился за штангу и, прикрыв ладонью глаза от солнца, посмотрел по сторонам. За холмом, откуда появились псы, начиналось редколесье, если нырнуть в него – есть шанс скрыться от преследователей, которые все ближе. Но как слезть? Тремя патронами в лучшем случае можно завалить трех псов, а их там больше десятка. Нож... нет, так со стаей не справиться, пусть даже у Шустрого есть еще два, боевой и туристический.

...Который он вдруг протянул мне.

А потом сунул в руку еще и свой обрез.

– А ну держи, Химик!

Я взял ствол, перекинул через голову ремешок. Пригоршня, отвлекшись от собак, наконец заметил военсталов с десантниками.

– Э, смотрите, кто это там... Ёлки, тикать надо!

Преследователи, подошедшие уже близко, наконец тоже заметили нас: я увидел, как Кабмин, идущий впереди рядом с высоким спецназовцем, сначала поднял, а потом опустил

бинокль.

А потом они побежали. Пара минут – и будут здесь...

– Что делаем?! – закричал Пригоршня в отчаянии. – Не хочу к ним назад! Меня же еще и дезертиром заделают!

Я добавил:

– Шустрый, а тебя они просто пристрелят.

– Заткнуться обоим!

Сталкер достал из подсумка два небольших предмета... то есть два артефакта, как внезапно понял я. Один выглядел то ли как экзотический фрукт, то ли как бледно-зеленый пухлый ёж с мягкими иглами, а второй – словно мягкий куль из целлофана, полный густой кроваво-красной жидкости.

– Ты что делаешь?! – испугался Пригоршня. – Не люблю эти аномальные дела!

– Спокойно, десантура! Попробую сборку, меня один старик, Лесник, научил. У нее эффект, как у гравицапы... Держитесь крепче, как прикажу – прыгаем вниз и ходу!

Он проткнул куль кончиком ножа и, когда тот выпустил наружу шипящую розовую пену, сложил артефакты, сильно сдавив их.

Донесся окрик, и сталкеры с армейцами перешли на бег – заметили не только нас, но и псов внизу. Те лаяли и бесновались. И тут слипшиеся артефакты вспыхнули. Шустрый швырнул сборку в основание вышки, порыв ветра ударил снизу – от неожиданности и я едва не соскользнул со штанги. Планета с утроенной силой потянула меня к себе.

Когда сборка упала, псы взвыли... И распластались на земле. Вокруг вышки траву прибило книзу, словно ураганом. Совсем недавно мы видели такое в лесу – так же выглядел центр гравипапы, а теперь подобное ядро, только диаметром метров двадцать, возникло под нами.

Пригоршня, не удержавшись, сорвался, но внизу сразу встал на четвереньки и, ругаясь сквозь зубы, попытался выпрямиться. Лежащий рядом с ним волкодав потянулся к нему, рыча, пополз... встать он так и не смог.

Преследователи бежали к вышке.

– Десять секунд! – просипел Шустрый, соскальзывая со штанги. – Потом вспышка – и она отключится!

Я полез за ним. Мы помогли Пригоршне, успевшему мстительно наподдать волкодаву кулаком в зубы, выпрямиться – и поковыляли прочь между рычащих, едва шевелящихся псов.

– Берегитесь вспышки, – пробормотал Шустрый. – Это... такое... усиление, резкое... когда сборка отключится...

Мне казалось, что я вешу целую тонну, ноги подгибались, сердце отбойным молотком стучало в груди.

Обрез на плече... я будто волочил на себе зенитку. Сборка, превратившаяся в клубок шипящего света, сверкала у подножия вышки, образовав вокруг область повышенной гравитации.

Шустрый ударил ножом подковылявшего ближе пса. Сзади раздались крики – преследователи неожиданно для себя попали в область действия сборки. Некоторые попадали, у других резко потяжелевшее оружие вывалилось из рук.

– Сейчас будет вспышка! – прохрипел Шустрый.

На краю аномальной зоны стало легче. Мы почти вышли из нее, когда сборка за спиной ярко

полюхнула – и на пару секунд гравитация резко усилилась. Сзади всех вдавило в землю, которая в районе ЛЭП заметно просела. Низкий скрип раздался под ногами. Вышка накренилась с тяжелым скрипом ржавого металла.

Мы повалились на траву. Хорошо, что здесь, на краю зоны действия сборки, гравитационный всплеск ощущался слабее. Вскочив, на подгибающихся ногах побежали прочь. Сзади доносилась сдавленная ругань, стоны, подвывание псов, затем раздалась хлопки выстрелов, вой и хрип.

Когда я нырнул в лес, ноги все еще заплетались. Бежать теперь было легче, хотя сердце, только что вынужденное прокачивать по телу сильно потяжелевшую кровь, все никак не могло успокоиться.

– Ушли, кажется! – выдавил из себя Шустрый между тяжелыми вдохами. – Яр близко, теперь главное оторваться!

Глава 5

С невысокого обрыва мы с Пригоршней удивленно глядели вниз. Яр оказался извилистым, длинным, глубоким и довольно широким оврагом... по которому текла химия.

Не знаю, как еще назвать эту... это... В общем, если построить самый огромный на планете завод по производству всех видов канцерогенов, то отходы его производства выглядели бы примерно так. Ну, может, немного почище.

Это была ХИМИЯ в ее концентрированном виде. Буро-радужные разводы на поверхности потока, который быстро тек по Яру, переливались, закручивались густыми масляными водоворотами, лопались крупными пузырями.

– Фух... – Пригоршня зажал нос и прогнусавил, пятясь: – Чет оно какое-то стремное. Шустрый, откуда эта гадость вообще взялась?

– С Химстанции валит, – пояснил тот, шагая вдоль берега. – Давай за мной, тут недалеко переправа должна быть.

Я уточнил:

– Ну, и почему она оттуда валит? Химстанция что – работает? Откуда отходы?

Он развел руками:

– Сие тайна великая есть. Откуда... я не знаю. Никто не знает. Как Зона образовалась, что там в Химстанции сдвинулось. И она наполняет реку этими отходами. Яр далеко тянется, потом рассасывается как бы, мельчает, бурда эта разливается широким таким полем, то место называют: Миазма. Но к тому времени в Яр ручьи всякие втекают с нормальной водой, подземные ключи, и потом в Миазме уже не такая концентрация, пожиже там и дышать можно. А тут...

– Да уж! – кивнул Пригоршня, по-прежнему крепко прихватывая пальцами свой внушительных размеров шнобель. – А тут – нельзя!

Мы шли не вдоль самого берега – там испарения Яра ели глаза и дышалось с трудом. Берег зарос сухой желтой травой – странно, что даже такая тут росла, – а другой был лысый, песчаный, причем песок имел нездорово-бурый оттенок. Дальше росли деревья, и что за ними – не видно, но, по словам Шустрого, там и начинался Могильник.

Впереди на берегу лежала решетчатая металлическая конструкция, но пока я не мог понять, что это.

– Самое удивительное, – вещал топающий впереди Шустрый, – что вроде как в этих отходах мутанты какие-то живут. Особо мутантские, я бы сказал.

– Не может быть, – удивился я. – Это уже совсем антинаучно.

– А я тебе говорю! Сама Химстанция – научно, что ли? Стоит такая бетонная дура, вроде все мертво внутри... А оттуда эти отходы валят и валят, валят и валят. Будто в ней там где-то здоровенная темпоралка заныкана, и из нее эти отходы откуда-то из другого, не знаю... пространства и времени текут.

– Темпоралка – это аномалия? – уточнил Пригоршня.

– Ага. Хорошо, редкая очень. С ней такие странные происшествия связаны, не знаешь, верить или нет. Даже для Зоны слишком необычные.

Пригоршня все никак не мог поверить:

– Но как такое возможно, чтоб отходы из

ниоткуда текли??

– А как вся Зона возможна? – пожал плечами Шустрый.

– Я откуда знаю? И ты не знаешь, и никто...

– Не знаю – но догадываюсь. Сколько всякого человек с природой творит? Химия, синтетика, ГМО, всё такое... Вот почему, Пригоршня, животные меняются, откуда мутанты берутся?

– Ну, у них эти... гены. ДНК всякие с хреносомами.

– Правильно, в ДНК из-за радиации, всяких излучений, происходят изменения молекулярных структур нуклеиновых кислот, а это ведет к мутациям в организме. Что такое организм? Сложная система. И природа на планете – это тоже система, как организм, только еще сложнее, она сама состоит из отдельных организмов, растительных и животных. Такая «система систем», понимаешь? Метасистема. Которая развивалась постепенно, медленно, все в ней было подогнано друг к другу, сцеплено... А тут пришли мы и давай в природе всякое для своих нужд менять. Резко, быстро. Мы как та радиация: сильный мутагенный фактор. И Зона – это ответная мутация, такая у меня теория. Или, может, раковая опухоль с центром где-то в

Дубне. Там ее источник, главный поражающий фактор, только мы до сих пор не знаем, что тогда в НИИ «Акустика» произошло.

– Ты раньше кем был, сталкер? – спросил я.

– Студентом биологии. Хотел диплом по Зоне писать, приехал сюда... И уже не уехал. Ладно, идем, надо на тот берег перебираться, пока военсталы не подвалили.

В Яре гулко булькнуло, над берегом взлетели брызги.

– Ух ты ж! – Пригоршня так и подскочил. – Это что там плещется? В натуре мутанты!

– Или реакция брожения, – проворчал я. – Так, что там впереди, на другом берегу, – подъемный кран лежит?

Шустрый ускорил шаг.

– Правильно, там когда-то мост начинали строить. По стреле на другой берег перейдем.

Мы еще прошли вдоль берега и вскоре оказались у крутого изгиба оврага, который местные прозвали Яром. Рядом стоял грузовик с

бетонными плитами в кузове, лежала гора щебня и, параллельно склону Яра, опрокинутый подъемный кран, стрела которого мостом протянулась через овраг.

– Что, по нему преграду форсируем? – уточнил Пригоршня несколько неуверенно.

За Яром, где-то в глубине Могильника, раздались приглушенные выстрелы. Шустрый кивнул:

– По стреле, с разбегу.

– По этой железяке скользкой? Слушай, а может, у тебя еще артефакты какие найдутся, которые нам помогут как-то на тот берег перебраться? Ты ж сталкер, ёлки! У тебя должно быть много артефактов...

– Не глупи, спецназ, никакой артефакт не перебросит тебя на другой берег. И вообще, после тех псов у меня только этот остался. – Шустрый осторожно достал из подсумка странное образование, состоявшее будто из нескольких слипшихся зеленых пузырей.

– Эй, ты, осторожней, сталкер! Я слышал, многие артефакты радиоактивные.

– Это – «пузырь», он не излучает. А вообще,

цацка редчайшая.

– Можно? – спросил я, протягивая руку, и он положил «цацку» мне на ладонь.

Выпуклости были твердыми, я вжал в одну палец – она немного прогнулась с тихим хрустом.

– Такое впечатление, что эта штука органическая, – заметил я. – То есть, как бы сказать... мертвая, но состоит из органики.

– Не знаю, – пожал плечами Шустрый. – Возможно. Он газ вырабатывает, но не ядовитый, наоборот, полезный. Если ухо к «пузырю» приложишь – услышишь слабое шипение.

– Какая аномалия его создает?

– До сих пор неизвестно. «Пузыри» иногда можно найти в болотах, считается, что материнское аномалия образуется только на дне трясин, поэтому его никто не видел. Он ценный, хорошо защищает от Всплеска. И не только... Я считаю, этот газ, который он выделяет, как-то организм защищает и мозги прочищает. Стоит дорого, зараза, я свой не покупал – сам добыл и продавать не собираюсь. Ну все, хватит пялиться, пора на тот берег.

Он забрал у меня артефакт, спрятав в подсумок, первый шагнул на протянувшуюся над руслом стрелу.

Мы с Пригоршной следили за Шустрым, а он продвигался к дальнему берегу, шагая с одного стального раскоса на другой. Оглянулся, махнул рукой. Пригоршня неуверенно посмотрел на меня, вздохнул и шагнул на скользкую, изъеденную ядовитыми парами железку. Я направился следом. Когда преодолел примерно четверть расстояния, впереди под Шустрым громко хрустнула проржавевшая железяка, и сталкер замер, раскинув руки.

Вот только ухватиться ему было не за что, а раскос под ним хрустел и выгибался. Шустрый медленно, осторожно перешагнул на другой, от этого движения что-то снова хрустнуло. В плывущую под нами бурду посыпались пластинки ржавчины, потом шмякнулся кусок побольше, и вот тут-то Яр проявил свою сущность!

Что-то в вонючей жиже шевельнулось, она стала вспухать бурлящим горбом прямо под стрелой, на которой мы замерли в напряженном ожидании. Шустрый развернулся и поскакал по железкам обратно – вовремя! Там, куда осыпалась ржавчина из-под его ботинка, химический горб лопнул пузырем, выпустив

облако плотного зеленоватого газа. Оно окутало стрелу, внутри облака звучно чавкнуло, и ржавая железяка дрогнула под ногами.

– Поберегись! – Пригоршня уже бежал ко мне, его догонял Шустрый.

Развернувшись, я поспешил назад.

– Давай, давай! – хрипел сзади сталкер.

Мы спрыгнули на землю, и только тогда я оглянулся. А стрела-то изменилась! В том месте, где ее облизал вонючий пар, железки согнулись, истончились, вся ажурная конструкция даже немного просела. Бурда внизу тихо струилась, как ни в чем не бывало, только маленькие пузыри еще всплывали время от времени на поверхность и тихо лопались, выпуская зеленые облачка.

– Я туда больше не пойду! – заявил Пригоршня.

И пнул конец стрелы. Конструкция вздрогнула и стала быстро гнуться посередине, там, где ее обдало паром.

– А-а, твою мать! – крикнул Шустрый. – Бежим!

Призыв запоздал, мы с Пригоршной уже мчались прочь: ясно было, что сейчас произойдет. Стрела гнулась все быстрее и быстрее, как пластилиновая, наконец изгиб коснулся поверхности химической реки, вот тут-то и начался настоящий фейерверк. Ядовитая жижа взбурлила, разбрасывая плотные клочья во все стороны, взмыло новое облако зеленого пара. Мост, которым мы так и не смогли воспользоваться, проломился посередине, тонкий конец стрелы на нашем берегу задрался, земля под ним стала пластами съезжать в бурлящие волны.

Кран, разлегшийся на том берегу, лишился прежней опоры и тоже шевельнулся, под ним стал проседать и осыпаться берег. Яр бурлил, извергая брызги и зеленый дым, железяки скрежетали, ядовитая бурда клокотала и хлюпала – всё это я увидел, оглянувшись через плечо на бегу. Там, где брызги падали на землю, расплывались темные пятна, от них валил пар.

Остановились мы, только когда отмахали метров сто, не меньше.

– Ну вас на фиг с такими переправами! – выдохнул Пригоршня. – Надо эту речку обходить, а не форсировать. Слышь, сталкер?

Я прикинул: если химикалии вытекают из

старой фабрики, значит, можно дойти до нее и обогнуть посуху с другой стороны? Когда изложил свои соображения, Пригоршня сказал, что я голова, но Шустрый уныло вздохнул:

– Не выйдет. Эта дрянь в обе стороны растекается, просто с другого бока овраг только в начале, а дальше он исчезает, бурда растекается и таким как бы болотом длинным лежит. И потом поле аномалий начинается. Вот разве что через самую Химстанцию... я туда не ходил, воняет слишком. Туда вообще никто не ходит, местечко стремное. Но делать нечего, поищем проход на самой фабрике. Все равно мы столько отмахали, что она уже недалеко.

Идти в самом деле пришлось недолго, но когда Химстанция показалась из-за деревьев, я только присвистнул. Яр тянулся и вправо, и влево от нее, по обе стороны бетонной коробки растекалась ядовитая химическая масса. Перед нами была поваленная ограда из бетонных плит, кое-где на ней чернели обрывки колючей проволоки, за оградой – двор, заваленный всяким хламом, и само здание, вправо и влево от которого тянулся заполненный химией овраг. Жижка медленно вытекала из проломов в стене здоровенного серого параллелепипеда.

– Плохо, – пожаловался Шустрый. – Никакой живности. Ничто не шевелится.

– По мутантам соскучился? – скривился Пригоршня.

– Не в том дело. В Зоне как?.. Зверье чует, где опасно, и не лезет туда. Плохое место, если звери его совсем избегают. Убираться отсюда надо поскорее.

Морщась от вони и прикрывая лица рукавами, мы подошли к стене Химстанции. Бетону ядовитые испарения не повредили, да и дверь, тяжеленная, стальная, казалась очень прочной. Окна на высоте метра полтора от земли были забраны решетками из толстых прутьев. Пригоршня подергал – прутья держались прочно. Мы с Шустрым осмотрели дверь. Что за черт? Здесь даже замочной скважины не было!

– Открывается изнутри, – сказал я.

Пригоршня оставил в покое решетку и подошел к нам. Толкнул, пнул ботинком. Выругался. Вот тебе Химстанция, вот в две стороны идет овраг со смертельно ядовитой бурдой. Надо проникнуть внутрь здания, но – никак...

– Химик, – обернулся он ко мне. – Ты ж Химик! Вот и попробуй с этой химией, которая внутри, договориться. Пусть она нам откроет!

– Очень тонкая шутка, – проворчал я. – А самому слабо проблему решить? Мозгами шевелить – не кулаками махать, не всем дано.

Однако у меня уже начала созревать кое-какая идея. Я оставил их возиться с дверью и прошелся по двору, разглядывая валяющийся повсюду мусор. Когда-то здесь было химическое производство и наверняка применялись какие-то стойкие к агрессивным средам сосуда. Но ничего подходящего на глаза не попало, только самый обычный бытовой хлам, провалявшийся без дела долгие годы. Я присмотрел что-то вроде измятого таза – по этой железке словно слон топтался, и теперь было трудно определить, чем эта штука была в то время, когда еще чем-то была. Таз врос в землю, его опутали жесткие побеги какого-то нечувствительного к здешним миазмам растения, так что еще пришлось повозиться, выдирая тазик из цепких объятий Зоны.

Когда я со своей находкой направился к заполненному бурдой оврагу, Пригоршня прекратил попытки расшатать дверь и спросил:

– Ты куда это? Зачем?

– К химии на переговоры, – ответил я, – буду ей жертвы приносить, чтобы пропустила.

И аккуратно зашвырнул тазик подальше, чтобы брызги не долетели. Посудина, шмякнувшись на заполняющую Яр густую массу, не пошла ко дну сразу. Именно это мне и нужно было. Я стал считать вслух:

– Один, два, три...

Устному счету в Зоне иногда доверять надежней, чем любому хронометру.

Пригоршня с Шустрым подбежали ко мне и уставились на таз. А тот словно таял в вязком месиве, от него валил дым, по поверхности расплывались разноцветные пятна. Там явно шла какая-то очень сложная реакция. Обрывки растения мгновенно почернели и свернулись в ломкие спирали. Органике химическая жидкость была явно противопоказана, а я все считал. Наш бравый боец Пригоршня тарачился то на таз, то на меня, кашлял, утирал выступающие слезы и удивлялся. Зато Шустрый, похоже, уловил идею. Мы с ним тоже пролили немало слез над умирающим тазом – у берега ядовитые испарения были очень плотными.

На счете «семнадцать» оставшийся от таза сюрреалистический дымящийся огрызок перевернулся и канул в химию. Жертва была принесена.

– Можно успеть, – объяснил я свою мысль бравой десантуре. – Мы наполняем какую-нибудь тару этой дрянью, бегом к двери и выливаем. Железо разъедается, мы входим. Главное, не пролить по дороге, чтобы тара сама выдержала. Вопросы есть? Вопросов нет.

Возиться с едкой химией никому не хотелось, но других идей не было. Нашелся длинный стальной прут, ржавый, но толстый и прочный. Пригоршня, поднатужившись, сумел загнуть его конец крючком. Шустрый приволок проволоку, я этой проволокой примотал к загнутой железяке найденную во дворе канистру и опять пошел к берегу. Спутники глядели на меня с надеждой, но не забыли отойти подальше, когда я встал над потоком. И с безопасного расстояния наблюдали, как я зачерпываю химию. Шустрый громко считал вслух, а Пригоршня прокричал:

– Мы тебя, Химик, морально очень поддерживаем, так и знай!

Когда канистра погрузилась в жижу, повалил пар, резче пахнуло ядовитой гадостью, на поверхности стали вспухать радужные пузыри.

Я не стал ждать, пока она наполнится доверху, – бурда всюю принялась разъедать стенки, и я опасался, что не донесу емкость до двери. Да и тяжело же, блин! Выждав до счета «пять»,

выдернул канистру из потока и побежал к зданию. Прут упруго изгибался, канистра качалась, с нее лилась вязкая масса, но я не глядел, успела ли она проесть дно канистры или просто с боков обтекает. Когда добежал к двери, Пригоршня сказал: «Девять...»

Тут-то началось самое веселое. Как перевернуть канистру, чтобы потекло? Об этом-то я не подумал, умник! Но Пригоршня проявил невероятную для него смекалку – подскочил и обломком доски приподнял дно канистры. Химия, радужно посверкивая и переливаясь, хлынула на дверь. Повалил пар. Я был готов: зажмурился и затаил дыхание, но слезы сами собой хлынули между веками. Если сделаю нормальный вдох – умру на месте! Пригоршня сопел рядом, и досчитать до семнадцати было некому. Хотя оставшийся стоять в сторонке Шустрый, кажется, все же считал, но за шипением и бульканьем мы его не слышали.

Ржавый прут в моих руках подозрительно зашевелился, я догадался, что самодельному черпаку пришел конец, да и легким он стал – вылилось содержимое из канистры. Развернулся, отпихивая Пригоршню, и припечатал канистру к решетке, закрывающей ближайшее окно. Пусть и там химия поработает.

Несколько секунд мне удалось продержаться

огрызок канистры у решетки, потом она стала разлезаться, как промокший картон, осыпаться мягкими клочьями. Мы с десантником резво отскочили назад к Шустрому, а жижа шипела и плевалась брызгами на окне и на двери. Их ненадолго заволокло едким туманом, а когда он развеялся, мы подошли осмотреть результаты. На двери там, где плеснуло гуще всего, образовалась дыра. Никогда не видел, чтобы сталь горела, но к краям дыры лучше всего подходило слово «обугленный». Дверь в этом месте почернела, истончилась... жаль только, дыра оказалась маловата. Под дверью на земле шипела и пузырилась мутная лужа.

– Кошка, может, и пролезет, – вздохнул Шустрый, оценив размеры отверстия.

Зато мой запасной вариант, с окном, сработал несколько лучше. Прутья истончились, ржавчина с них слезла, и вообще они имели такой вид, будто их грызла стая мутантов, питающихся исключительно сталью. Огрызок оконного стекла позади решетки казался удивительно чистым, на стекло эта химическая дрянь не подействовала, зато всю грязь слизала начисто. Капли мутной жижи подрагивали на решетке и на бетоне вокруг окна, они шевелились, словно живые, – химическая реакция еще продолжалась. От капель струился дымок.

– Ну вот, – довольно сказал Шустрый. – Хоть с дверью и не сладилось, но решетку если теперь рвануть посильнее... Десантура – настало твое время!

Я согласно кивнул. Пригоршня из нас троих был самым здоровенным – ему и ломать. Шустрый нас сюда привел, а я мозгами поработал. Пусть теперь здоровяк работает руками.

Но Пригоршня отступил на шаг и помотал башкой:

– Вы чего? Я к этой штуке не прикоснусь! Чтоб она мне руки по плечи разъела?

Шустрый окинул взглядом двор, приглядел обрезок трубы и пошел к нему.

– Давай, Пригоршня, – сказал я. – Теперь твоя очередь. Архимед с его законом рычага тебе в помощь.

Шустрый принес трубу, десантник тяжело вздохнул и взялся за нее. Осторожно подошел к решетке, как охотник в джунглях подходит к ядовитой змее. Медленно, то и дело озираясь на нас, подsunул край трубы между прутьями, закрывающими окно. Мы с Шустрым закивали, сталкер показал бойцу большой палец – мол,

давай, пока что все идет отлично!

Пригоршня нажал, решетка не шевельнулась. Это пробудило в нем азарт, и он навалился по-настоящему. Всунутая между прутьями железяка скрежетала, с нее клочьями летела ржавчина, шипела, угодив на потеки химической гадости под окном.

– Сейчас... – прохрипел десантник, – сейчас ты у меня...

И тут дело пошло. Один прут стал быстро гнуться, другой с лязгом сломался, и обломок, вращаясь, полетел в сторону. Мы с Шустрым отпрянули, Пригоршня крикнул и присел. Железка плюхнулась в Яр, взметнулся фонтанчик вязкой химии, пошел дымок, чуть сильнее пахнуло ядовитыми испарениями. Пригоршня выпрямился и приступил к новой паре прутьев.

Через пару минут все было готово. Пригоршня трубой повыбивал остатки стекла в раме, с видом победителя глянул на нас и полез первым.

В гулком бетонном зале воняло, кажется, даже сильнее, чем во дворе. Бурда медленно вытекала из трубы, уходящей в стену, и разливалась в прямоугольном бассейне, который занимал почти все помещение. Было полутемно, вдоль стен шли узкие бордюры, по которым можно

было пройти в дальний конец зала. На таком бордюре мы и оказались, пробравшись в окно. Под потолком что-то негромко шелестело и чавкало, но разглядеть, что там происходит, невозможно – зал высоченный, а окна низко. В сумраке у потолка угадывалось какое-то вялое движение.

Пригоршня глянул под ноги и покачал головой. Жижка медленно шевелилась под ним, побулькивала и по-чавкивала.

– Давай, чего встал? – перехваченным голосом прикрикнул Шустрый. – Воняет, сил нет! Идем к выходу на той стороне, видишь, там площадка пошире и проем? Скорей!

Пригоршня, прикрывая лицо рукавом, что-то промычал в ответ, но все-таки пошел, опасливо косясь на ядовитую массу, которая колыхалась в метре от ботинок. Я отлично понимал десантуру, здесь было очень не по себе. Это место принадлежало даже не Зоне, это были владения Химии, чуждой всему живому. Не зря Шустрый подметил, когда вошли во двор: даже мутанты сюда не забредают. И ни одной аномалии не видно.

Когда вниз срывались куски слежавшейся грязи, химия булькала, шипела и выпускала струйки зеленого пара. Мы шли за десантником.

Наконец Пригоршня с облегченным выдохом прыгнул с бордюра на широкую площадку и поспешил к двери, ведущей из зала с бассейном. Следующее помещение было куда меньше, с низким потолком, и почти сплошь заставлено прогнившей тарой. Один ящик развалился, и под слоем пыли тускло блестело стекло. Какие-то банки, что ли... Особо я не приглядывался, мы все торопились убраться как можно дальше отсюда.

– Откуда все-таки эта гадость берется? – бормотал Пригоршня. – Что, вот так прям течет и течет бесконечно и поток не прекращается? Колдовство!

Новая дверь – и еще один большой зал впереди. На пороге Пригоршня отпихнул ботинком череп: длинный, вытянутый, с острыми желтыми зубами. Небольшой череп, вдвое меньше человеческого. Кроме него ничего не было, никаких костей. И пройдя в дверь, я понял – почему. Череп просто выкатился из зала, а там, внутри, весь пол был устлан ковром из косточек, больших и малых. Помещение толком разглядеть не удавалось из-за высоких баков, установленных рядами. Между баками шли трубы, на вентилях ключьями висели гроздья не то растений, не то каких-то химических образований, этакие волокнистые бороды синевато-зеленого цвета. Позади баков что-то

едва слышно хлюпало и чавкало. И никакого движения.

Мы двинулись по широкому проходу между округлыми боками баков. Окон в зале не было, свет проникал только из двери позади. Зато моховые бороды заметно светились. Сквозняк нес из зала с бассейном вонючие испарения и шевелил мохнатые светящиеся бороды. Свет колебался, тени причудливо шевелились под ногами и на стенах. Потолок в этом неверном свете показался не плоским, а каким-то холмистым, на нем выступали большие плотные сгустки... На ум пришло сравнение: словно провисшие животы.

– Здесь, по крайней мере, есть жизнь, – заметил Шустрый, с хрустом топчя косточки на полу. – Сюда мутанты забредают, вон сколько костей.

– Зато живут они здесь недолго, – ответил я. – Шустрый, почему костей так много?

– Не знаю, и знать не хочу, – отрезал сталкер, – а хочу я поскорее отсюда убраться. Вон впереди выход.

Мы быстрее зашагали к светлому прямоугольнику двери. Я оказался впереди и поэтому не сразу увидел, что произошло с

Пригоршней. Услышал его сдавленный крик, развернулся – перед носом мелькнули грязные ботинки. Что-то, прилепившееся к потолку, опутало его голову и плечи толстенными жгутами и тянуло вверх. Пригоршня барахтался в воздухе, раскачивался, рычал. Шустрый выпучил глаза. Я, еще не сообразив, что происходит, бросился к десантнику. Увернулся от взмаха ноги, вцепился в штанину и повис. Неведомый враг подтягивал свою добычу вверх, но с двойной ношей не справился, движение замедлилось. На меня из темноты сверху валились хлопья слизи. Прямо над нами был один из «животов» – да здоровенный! Крепко прилепившийся к бетонной балке, он раскрылся, выпустив гибкие щупальца, – они-то и тянули Пригоршню. Над десантурой колыхался вязкий слизистый ком, между щупальцев темнела пасть с клыками. Она ритмично разевалась и сужалась, разевалась и сужалась... Еще сверху лилась какая-то гадкая жижа, летели комья вязкой массы.

Грохнул выстрел – это Шустрый всадил заряд дроби в горб на потолке. Жгуты-щупальца задержались, над нами хлопнуло, и мы свалились на пол. Подо мной громко хрустнули косточки, потом на меня рухнул Пригоршня. Я спихнул его, вскочил. Вверху колыхалось вязкое тело твари, поливая меня и Пригоршню струями теплой жижи. Соседние бугры на потолке тоже пришли в

движение, из них падали, разворачиваясь, пучки щупальцев, шарили в темноте и, не найдя добычи, снова втягивались... Пригибаясь и прикрывая головы руками, мы побежали. Хрупкие косточки под ногами трещали и разлетались на куски.

Ругаясь на весь Могильник, мы вылетели во двор за Химстанцией, пересекли его и остановились, только выскочив на поляну перед лесом, что начинался дальше.

– Твою мать, твою мать, твою мать! – Пригоршня стал рвать пучки травы, попытался ими очистить голову, плечи. – Что за, твою мать, неведома зверюка меня захавать хотела?!

– Не знаю, – ответил Шустрый, который, как опытный сталкер, под «неведому зверюку» не лез и остался самым чистым из нас. – Не слышал про таких ни разу, и не видел. Зато Яр мы таки пересекли. И еще у меня для вас есть радостная весть, парни: тут в лесу дальше ручей большой течет. Вы там умыться сможете. А умыться вам не помешает, как честный сталкер вам скажу.

Глава 6

Солнце давно перевалило зенит, было жарко, в зарослях звенели насекомые. А впереди клубился туман. Из глубины его, откуда-то издали доносились приглушенные выстрелы.

Мы все дальше уходили от Яра, и через некоторое время туман окутал нас.

– Прямо в перестрелку непонятную лезем, – проворчал Пригоршня. – Может, лучше пересидим где-то, обождем?

– Слышишь же, они редкие совсем, – возразил Шустрый. – Это не настоящий бой, что-то вялотекущее. Они так сутки могут стрелять или больше. А вокруг – Могильник, хоть здесь еще окраина Зоны, но места опасные. Нет, не хочу я ждать, давайте дальше, тем более скоро вечереть начнет. Главное, тихо идти, осторожно. До цели мало осталось.

Поросшая бурой травой земля под ногами мягко пружинила, казалось, вот-вот разойдется – и провалишься в топкую глубину. Двигались треугольником: Шустрый впереди, мы с Пригоршней позади него, в паре метров друг от друга. Вдруг десантник споткнулся и, выругавшись, присел на корточки.

– Что?! – Шустрый развернулся, ствол обреза рыскал из стороны в сторону.

– Да не, ничего, мертвец тут. Гляньте, как одет интересно. То-то ты его, сталкер, не заметил!

Я пригляделся. Там кто-то лежит? Вроде ничего не видно... Сделал шаг к Пригоршне, второй. Казалось, что он сидит над продолговатой изогнутой кочкой. Еще шаг – и неожиданно картинка перед глазами преобразилась, и я понял, что на земле лежит человек в пятнистой куртке с капюшоном, сливающейся с зелено-бурой травой. Штаны на нем – обычный камуфляж, а вот куртка...

Я присел на корточки рядом с десантником.

– Это же леший! – Шустрый, повесив обрез на плечо, встал на колени, стащил с головы мертвеца капюшон, расстегнул пятнистую куртку. Вместо молнии у нее были петли, куда надо было продевать короткие черные палочки, пришитые к ткани. Сталкер перевернул тело на спину.

– Еще не задубел. Свежий труп.

Некоторое время мы молча разглядывали молодого черноволосого мужчину с растерзанным горлом. Глаза у него были

необычные – зрачки почти кошачьи, а радужка поблескивала крошечными изумрудными пятнышками.

– Крысюк поработал, – констатировал Шустрый. – Или... нет, вроде не похоже. Что же его убило? Да и вообще – как леший здесь очутился? И куртка, куртка у него какая!

Он начал сдирать с мертвеца куртку, и только тогда я понял, что она кожаная, а не из какой-то плотной ткани.

– Постой... Кожаный камуфляж? – удивился я.
– Как это?

– Никто не знает, что за шкуры они используют для своих шмоток. Так, ее я себе беру.

– А мне что? – возмутился Пригоршня. – Я ж мертвяка нашел.

Под курткой на мужчине была темная рубаха, тоже кожаная, на ремне – кобура с пистолетом и патронная сумка, а в черных ножнах большой охотничий нож с деревянной рукоятью.

– Тебе ствол и боезапас, Химику – нож.

Я возразил:

– У меня уже есть один.

– Вот ты мне его назад и отдай, а себе новый бери, – Шустрый скинул свою куртку и надел пятнистую. – Кста, что за ствол такой странный, не узнаю...

– Я тоже, – Пригоршня вертел пистолет в руке. Тот был плавно изогнут, совсем без углов, спусковой крючок – блестящая скоба, уходящая в рукоять. – Тут же магазина в рукояти нет. Как его перезаряжать-то, а?

Он постучал торцом рукояти по ладони, показал нам. Потом потряс оружие – и при этом, должно быть, неловко нажал на скобу или она слишком легко поддавалась под пальцами... Короче говоря, пистолет выстрелил.

Ствол при этом был направлен наискось в землю. Из него ударила... Трудно было понять, что это такое. Вроде тугой шипящей струи, но почти невидимой. Этакая полоска марева, как будто воздух на длинном узком участке на миг раскалился.

Из земли вырвался клуб жаркого пара, взлетели мелкие комья и пепел, которым мгновенно обратилась трава.

– Ай! – Пригоршня подскочил, бросив

пистолет, словно это был живой тарантул. – Что за хрень?!

Впрочем, он тут же опомнился и схватил оружие, опередив меня.

Я присел над местом, куда ударил заряд. В земле появилась неглубокая яма. Очень сухая – вся влага оттуда выпарилась. Перевел взгляд на Шустрого, подошедшего ближе, и спросил:

– Ну, и что это?

– Понятия не имею, – он поглядел на пистолет в руках Пригоршни. – Ты у нас репортер. Вот и расскажи нам про новые виды оружия.

– Это что-то термическое. Создает большую температуру. Может, какое-то микроволновое излучение. На самом деле – нет такого оружия на планете, я почти уверен. Не должно быть.

– Да вот же – есть! – Пригоршня постучал по пистолету, и мы опасливо отодвинулись от него. – Но главное знаете что, парни? Главное – он у меня есть. Не у вас, не у кого-то, а у меня!

И, довольный своей шуткой, он сунул странное оружие в карман.

– Смотрите, а это что у него?.. – Шустрый

сорвал с шеи мертвеца шнурок и показал нам медальон: выплавленный из железа овал, в центре которого был широко раскрытый глаз.

– Ничего не напоминает?

Пригоршня покачал головой, а я заметил:

– Вроде на карту этой Зоны смахивает. Вернее – на очертания Зоны на карте, она тоже овальная.

– Правильно. А зрачок, значит... Даже не знаю, на что он приходится.

Наш бравый десантник почесал в затылке:

– И что этот глаз, блин, символизирует?

– Да хрен их, леших, знает, что у них чего символизирует, – откликнулся сталкер. – Может, что через Зону Бог наблюдает за нами? Или Дьявол.

– Типа Зона – его глаз?

– Ну да. Не знаю, короче. Факт тот, что у редких убитых леших иногда находят вещи, которым у людей в Зоне вроде как неоткуда взяться. Непонятные такие вещи. Копье с металлическим наконечником я сам видел,

причем металл был необычный по фактуре, по цвету – по всему. А еще наконечник разведенный, с двумя такими жалами на конце, тонкими, как волос, но твердыми. Откуда это у них – никто не знает. Ладно, десантура, ствол проверил? Все, пошли.

Оставив тело лежать на земле, мы зашагали в прежнем направлении.

– Непонятные вещи, – повторил я задумчиво.
– Вот вроде той, что сейчас на тебе?

Вместо ответа Шустрый одернул полы куртки, которую застегнул на все пуговицы. Вещь эта и правда была необычной – фасон странный, сегментированные наплечники, рукава сильно сужаются к запястьям, нижний край идет крупным рубчиком. А материал... протянув руку, я пощупал его на плече сталкера. Ведь кожа, точно, но на ощупь она как... как бархатный шелк. Дурацкое сравнение, однако на ум ничего другого не приходит. Мягкая, нежная – ну точно шелк! Но бархатистая. Что за выделка такая? Плюс – почему она пятнистая? И ведь это не краска, а, кажется, естественный цвет. Хотя последнее, конечно, не так уж удивительно – жирафы вон пятнистые, зебры всякие с леопардами. Только вот у них шерсть разную окраску имеет, а тут – сама шкура.

И еще было что-то с этой курткой не так. Я прищурился, потом моргнул. Вроде она как-то изменилась с тех пор, как была надета на мертвеца, что-то в ней теперь иначе, но что именно – не понять. Двигаясь позади Шустрого, я вглядывался в его спину до рези в глазах, но все никак не мог сообразить, в чем тут дело. Но ведь точно изменилось что-то! Это было мучительно – как если забыл хорошо знакомое слово, оно вертится на языке, кривишься, морщишь лоб, кусаешь губы... и не можешь вспомнить.

Начало темнеть. Надолго стихшие выстрелы зазвучали опять, и тут из тумана выступило дерево с кривым, морщинистым стволом.

– Пришли, – объявил Шустрый довольно.

Пригоршня вздохнул с облегчением, ухмыльнулся, а я оставался серьезен и собран.

Дерево было явным мутантом. Оно казалось уродливым, почти пугающим, как в каком-нибудь фильме ужасов. Монстр рос на краю заброшенного поселка, с другой стороны которого и раздавались выстрелы.

– Военсталы с анархистами сцепились, уверен, – тихо сказал Шустрый. – Тут недалеко главный лагерь анархистов в южной части Зоны, я туда, прежде чем вас встретить, и шел. Ладно,

скоро совсем темно станет, пора копать...

Он включил фонарик и присел на корточки у дерева. Достал из подсумка раскладную лопатку, но я забрал ее у сталкера со словами:

– Сам выкопаю, пододвинься.

Хмыкнув, Шустрый так и сделал. Пригоршня навис над нами, жадно наблюдая за тем, как лопата вонзается в землю между двумя выступающими корнями.

– А может, не здесь? – спросил десантник. – Может, с другой стороны копать надо? Или вон там, или там...

Шустрый покачал головой:

– А по-моему, правильно он копает. Если уж прятать что-то под деревом – то как раз между этими корнями самое место.

– Не найдем ничего тут – начну там, – пробормотал я, налегая на лопату.

Дело пошло быстро: Шустрый светил, Пригоршня охранял и снабжал нас ненужными советами, я пыхтел и копал. Вскоре выяснилось, что чутье не обмануло меня, – лопата ударилась о твердое, и через пару минут в моих руках

оказался продолговатый деревянный ящик.

– Что-то он небольшой какой-то, – заметил Пригоршня, сдвигая белесые брови над переносицей. Шустрый тоже глядел на ящик недоверчиво. Положив фонарик, потянулся к нему, но я отпихнул его руку. Поставил ящик, сдвинул крышку и достал из него...

Уродливый вытянутый череп.

– А, Зона тебя заberi! – воскликнул Шустрый и вдруг навел на меня обрез. – Где артефакты, Химик? Где деньги обещанные, клад где?!

Поморщившись, я взялся за ствол и отодвинул его в сторону – как раз на Пригоршню, который отскочил, чтоб не стоять на линии огня.

– погоди, сталкер, не шуми, – сказал я. – И ствол спрячь, он тебе ничем не поможет. Темно уже, надо найти какой-нибудь дом, костер разжечь. Тогда во всем и разберемся.

*

– Ну и что это такое? – спросил Шустрый, недобро глядя на меня. – Зачем я с вами возился, рисковал, вместо того чтобы своими делами заниматься?